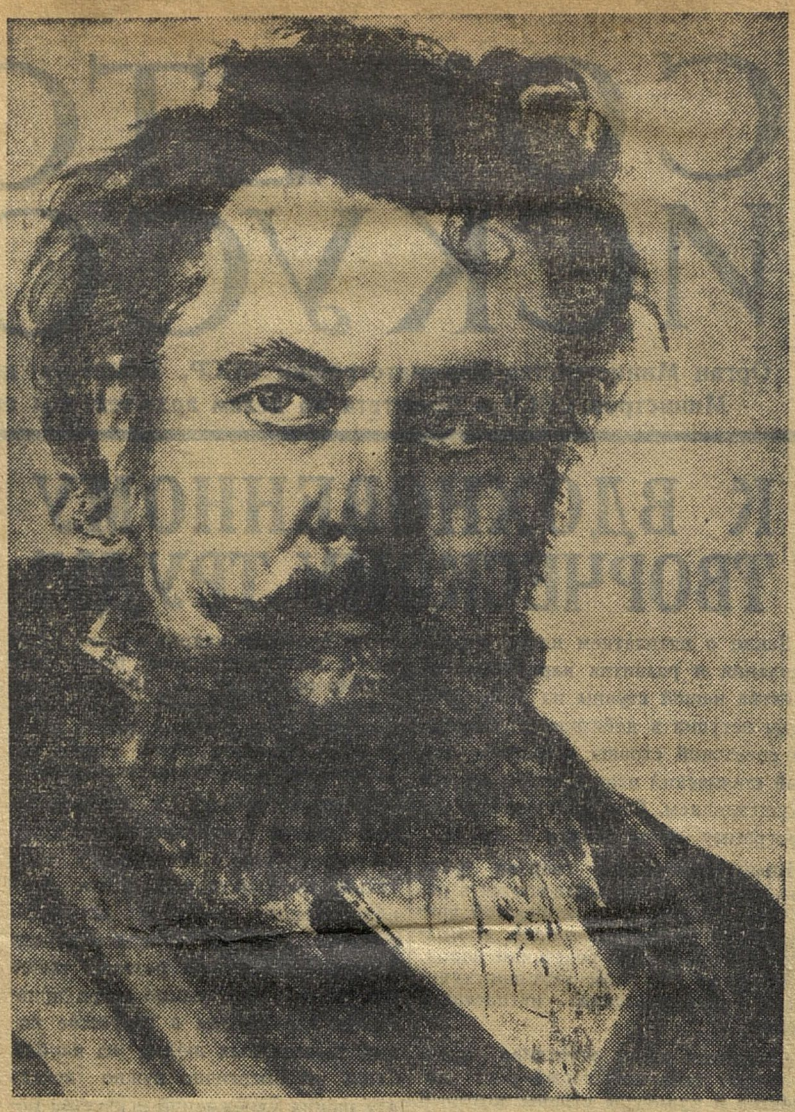
Советское Искусство от. 29/МАР. 1946г.
г. Москва



М. П. Мусоргский С портрета работы И. РЕПИНА.

Игорь БЭЛЗА

Национальный гений

История учит нас, что все создатели подлинно бессмертных творений искусства были дерзновенными новаторами, опиравшимися на завоевания человеческой культуры и умножавшими их своими вдохновенными прозрениями, зачастую опережавшими вкусы и способность понимания современников.

История учит, что прогрессивность мастеров-реформаторов искусства рождается прогрессивностью их мировоззрения, полнотой ощущения жизни и единения с родным народом.

Один из величайших «открывателей новых земель» в необ'ятных просторах искусства, Модест Петрович Мусоргский был достойным сыном русского народа, раскрытию высоких помыслов и дерзновенных стремлений которого посвятил он всю свою недолгую жизнь.

Демократические идеалы русского общества шестидесятых годов ярко проявились в деятельности славного содружества отечественных мастеров Alma mater Мусоргского—«могучей кучки», в которой, по его собственным словам, «кипела новая жизнь, единились новые силы, мысли, обсуждались и ценились новые задачи искусства».

Эти «новые задачи» заключались прежде всего в поисках правды и народности в искусстве, понимаемой в самом высоком смысле этого слова. Как часто отсутствие внешних признаков национального стиля принималось за «космополитизм» в искусстве. Вспомним, например, как тщательно подчеркивалось иными музыковедами отсутствие фольклорных цитат у Моцарта и Скрябина. Но разве не был Скрябин гениальнейшим выразителем этического величия русского народа, создавая музыкальный образ Прометея-Огненосца, столь близкий и дорогой русскому искусству? И разве не оставался Мусоргский русским художником, работая над «Саламбо»?

Величие Мусоргского заключается прежде всего в том, что он в своем творчестве с потрясающей мощью подлинного гения раскрыл созданные и выстраданные нашим народом высокие идеалы человечности.

Эмоциональный диапазон творчества Мусоргского огромен—от трагедийных образов «Бориса Годунова» до острой сатиры романсов-пародий, от истового, страшного самосожжения раскольников до озорства «несравненной Хавроньи Никифоровны» в «Сорочинской ярмарке», сочинявшейся одновременно с «Хованщиной».

Постичь жизнь во всей ее полноте, зорким взглядом, чутким слухом ощутить прелесть солнечного восхода и лирического напева, звучащего в степной дали, проникнуться скорбью утраты, трагическим чувством смятения и раскаяния—все это дано было Мусоргскому-человеку и художнику.

Эта полнота восприятия жизни породила поиски новых средств выразительности, глубоко органичных и почвенных в своей тесной связи с русской художественной культурой.

«Вперед, к новым берегам» — этот девиз Мусоргского, ставший столь знаменитым, был призывом отнюдь не к оригинальничанью, не к формальным новшествам, а к овладению всеми теми сокровищами, которые открываются по мере углубления в сущность национальных средств выразительности русского слова, притом не только в пении, но и в свободно, естественно интонируемой речи. Мусоргский любовно изучал и записывал народные мелодии и вместе с тем вслушивался в гибкую, неисчерпаемо богатую русскую речь, претворив интонации которой он создал свой несравненный речитатив.

«Хочу, чтобы звук прямо выражал слово»,—писал Даргомыжский о своих творческих стремлениях. А Мусоргский в письме к Голенищеву-Кутузову признавался: «Женитьба» —это посильное упражнение музыканта, или, правильнее, не-музыканта, желающего изучить и постигнуть изгибы человеческой речи в том ее непосредственном, правдивом изложении, в каком она передана гениальнейшим Гоголем».

О вслушивании своем в живую человеческую речь Мусоргский мог бы сказать словами Александра Блока: «И слушал я—и услыхал...». Ибо каждый музыкальный образ великого композитора отмечен своеобразием интонаций и индивидуальностью, к которой Мусоргский стремился не интуитивно, а сознательно, с мудрой настойчивостью мастера, точно определившего свою цель: «Хотелось бы мне вот чего. Чтобы действующие лица говорили на сцене, как говорят живые люди, но при том так, чтобы характер и сила интонации действующих лиц, поддерживаемые оркестром, составляющим музыкальную канву их говора, прямо достигали своей цели, т. е. моя музыка должна быть художественным воспроизведением человеческой речи во всех тончайших ее изгибах, т. е. звуки человеческой речи, как наружные проявления мысли и чувства, должны без утрировки и насилования сделаться музыкой правдивой, точной, но художественной, высокохудожественной».

В этих словах Мусоргского, относящихся к периоду работы над «Женитьбой» (письмо к Л. И. Шестаковой от 30 июля 1868 года), содержится предельно - лаконичное изложение реалистических принципов вокальной декламации, непосредственно почерпнутых из художественно обобщенного изучения «наружных проявлений мысли и чувства». Так воспринимал Мусоргский родную речь, стремясь к постижению не формально-структурных особенностей ее строя, а духовных богатств ее создателя—русского народа.

Именно в этих истоках следует искать не только интонационное, но и колористическое богатство музыки Мусоргского, постигшего тембральное многообразие народного творчества—речевого, песенного и инструментального.

Мусоргский был смелым новатором не только в области гармонии и интонационного строя музыки, но и в области инструментального колорита, столь своеобразно проявившегося и в оркестровых партитурах композитора и в его фортепианном стиле. Достаточно вспомнить хотя бы гениальный цикл «Картинки с выставки», красочность которого покорила и Мориса Равеля и Леопольда Стоковского, оркестровавших этот цикл.

И в знаменитом вступлении к «Хованщине», и в «Ночи на Лысой горе», и в романсах Мусоргского чувствуется творческое проникновение в образы русской природы и русского эпоса. В этих сокровищницах поэзии и неумирающей красоты находил великий композитор истоки своего стиля, могучая выразительность которого и в наши дни является пример чудесного слияния неустанно ищущего творческого гения с национальными чертами, определяющими величественный облик нашего народа.

И, слушая произведения Мусоргского, ощущаешь в них широкое дыхание омузыкаленной речи, отразившей в себе мощь и удаль, нежность и богатство красок живого русского слова, выразившей национальную мощь и высокую человечность нашего народа.